

И.В. Соколова

sokolova.inna@yahoo.it

преподаватель русского языка

Университета Бари

Бари, Италия

Ранний билингвизм: преимущества, механизмы, возможности

Ранний билингвизм, поздний билингвизм, языковой контроль, межъязыковая интерференция, мозговые механизмы, концептуальная система.

В статье рассказывается о преимуществах раннего билингвизма перед освоением языка взрослым человеком (позднего билингвизма), об особенностях усвоения билингвами различных аспектов языка. Представлены последние исследования этой темы, в частности, работы ученых из Университета Вита-Салюте Сан Раффаэле в Милане, посвященные способности индивида переводить с одного языка на другой и изучению механизмов языкового контроля. Предлагаются некоторые дидактические рекомендации, затрагиваются вопросы организации мозговой деятельности билингва. Дается общее представление о возможностях раннего билингвизма при условии правильного усвоения языка естественным путем.

Существует ли «критический период» нашего развития, во время которого мозг лучше всего усваивает язык? На этот вопрос, учитывая последние исследования ученых, можно ответить утвердительно. Действительно, детство — это «волшебный момент», когда «наш мозг находится в оптимальном состоянии для усвоения языка». «Позднее же овладение языком всегда возможно, но с большим приложением усилий» [10: 1–20]. Отчего же детям изучение второго языка дается проще? Такое превосходство обычно приписывается тому факту, что ребенок менее закрепощен, чем взрослый, не боится делать ошибки и рисковать. Однако это лишь частично объясняет ту легкость, с которой дети овладевают новым языком.

Способы усвоения языка ребенком и взрослым отличаются коренным образом. Взрослый может говорить на втором языке правильно, использовать его в любой ситуации и иметь превосходный словарный запас.

Вместе с тем, очень трудно добиться того, чтобы акцент не выдавал его иностранного происхождения, чтобы он инстинктивно мог чувствовать правильность встречаемой им впервые той или иной грамматической формы, выражения, синтаксической структуры. Еще более редки случаи, когда он может в полной мере прочувствовать эмоциональную яркость и глубину слов, их многочисленных соединений. Эти более тонкие и в то же время необходимые аспекты остаются недоступными подростку или взрослому, начинающим изучать иностранный язык.

Для тех, кто растет, изучая два языка с раннего детства, переход с одного на другой происходит естественно и без ошибок. Что же позволяет двуязычному индивиду без труда управлять двумя языками? Заслуга в этом принадлежит механизму головного мозга, который функционирует как «переключатель» при переходе с одного языка на другой, точно выбирая нужный язык через

систему внутреннего контроля [1]. В этом процессе принимают участие очень важные зоны головного мозга: поясная извилина, вовлеченная в процессы внимания и контроля над мыслительными действиями, и хвостатое ядро – подкорковая структура, участвующая в процессе торможения движений. «Возможно, что из-за их особых функций эти зоны являются основными в механизме языкового контроля» [1]. Психолингвисты давно уже выдвигали гипотезу о том, что в головном мозге человека должны существовать зоны, позволяющие переходить с одного языка на другой, «переключатели», которые блокируют один из языков. Этот же механизм должен препятствовать межъязыковой интерференции.

Ученые из Университета Вита-Салуте Сан Раффаэле в Милане в сотрудничестве с кафедрой неврологии Калифорнийского университета и University Hospitals в Женеве провели исследование, для осуществления которого подвергли функциональному магнитному резонансу (ФМР) людей, проживающих в Женеве, родным языком которых является итальянский.

Испытуемые находились во франкоговорящей среде с детства. Они имели одинаковые лингвистические познания в области двух языков, но в связи с тем что жили во франкоговорящей среде, были больше подвержены ее влиянию. Для эксперимента была использована классика детской литературы для обеих культур: «Маленький принц» Сент-Экзюпери. Были прослушаны отрывки из книги, которые читали, переходя с итальянского языка на французский и наоборот. Деятельность мозга, сфотографированная с помощью ФМР, показала «переключатели» в действии, раскрывая интересные аспекты. «Мы думали, например, что переход на родной язык более легкий, но увидели, что если человек находится под сильным влиянием второго языка, то легче оказывается переход на этот язык» [1].

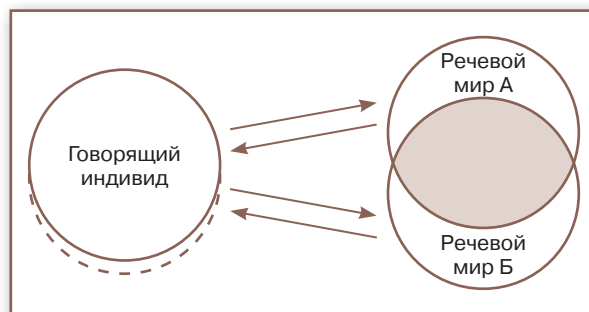
Этот результат подтвердил предыдущие исследования, проведенные Университетом Сан Раффаэле: чем больше субъект подвержен влиянию языка, тем сильнее в его головном мозге активируются невральные

структуры, похожие на те, которые задействованы при использовании человеком родного языка. «Находясь под влиянием одного из двух языков в большей степени, мозг уменьшает свой контроль, и таким образом упрощается использование этого языка. Поэтому так важно погружение в иноязычную среду: постоянное общение с носителями языка, просмотр теле- и радиопрограмм. Только так два языка будут сосуществовать в нашем мозге, накладываясь один на другой» [1].

Уже давно предполагалось, что в функциях внутреннего контроля участвует хвостатое ядро, так как наблюдаемые двуязычные пациенты с травмами в этой зоне патологически смешивали два языка. Способность перехода с одного языка на другой приобретается с детства, а механизм контроля совершенствуется к 3 годам, возрасту, когда языки перестают смешиваться. «Похуже, что поясная извилина у билингов развивается в большей степени, чем у монолингвов и некоторые их интеллектуальные способности оказываются более развитыми» [1].

Лингвист М. Ван Овербек, изучавший двуязычие, пришел к таким заключениям: билингвизм – это не двойное выражение одной реальности, не перевод на два языка внутренней идеальной речи, помещенной между опытом и выражением; это «способность передвигаться осмысленно и результативно в двух параллельных мирах с помощью двух языков» [9: 46].

Таким образом, субъект находится во взаимодействии с двумя «речевыми мира-

М. Ван Овербек. Схема взаимодействия «речевых миров» при билингвизме

ми», различными, но в то же время наложенными друг на друга и имеющими общую зону, которая зависит от степени их согласования. Возможности билингва могут меняться в соответствии с влиянием, которое эти два мира оказывают на него в данный момент.

В различных ситуациях один и тот же человек под воздействием разных языков будет анализировать мир при помощи разных терминов и структур. Можно сказать, что в какой-то степени это будет не совсем один человек. Из психологии известно, что в зависимости от собеседников и согласно общему с ними языку наша личность меняется. М. Ван Овербек писал: «...различия между двумя языками – это не более чем последующие оттенки в гамме различий, которые существуют между двумя индивидами» [9: 112].

Каким же образом ребенок воспринимает язык? Почему взрослые тратят так много времени на заучивание грамматических правил, а потом с трудом строят фразы? Ребенок же воспринимает и продуцирует то, что слышит, с большой легкостью и точностью. Не ограничивается повторением, а усваивая нормы, строит свои высказывания. Бессознательно анализирует грамматические правила, заключенные в определенном количестве фраз, и выстраивает из них целую грамматическую систему языка. Естественно, вначале она будет нестабильна и полна лакун, но в процессе развития ребенок пересматривает и перерабатывает эту систему, используя при этом свой персональный опыт.

Ребенок обладает врожденной способностью овладеть грамматикой как цельной и неразделимой частью языка, «впитывает» реальность чувствами, эмоциями, интеллектом. Он глобально реагирует на ситуацию, которую воспринимает как единое целое. У взрослого чувства, эмоции и интеллект приобрели некоторую автономию. У него за плечами груз знаний, основанных на теоретических принципах, вещественно обоснованных. Наши аналитические способности, базирующиеся на отделении разума от чувств и эмоций, очень полезны во многих

областях жизни, но совсем не способствуют изучению иностранных языков.

Дети в отличие от взрослых мотивированы в познании нового естественным интересом, удовольствием вступать в отношения с миром и учиться у него [2: 11, 15]. Ребенок изучает иностранный язык со спонтанным любопытством, демонстрируя свое расположение к языку, он еще не подвержен таким внешним факторам, как, например, социально-экономическая важность языка и необходимость его изучения с этой точки зрения. Раннее изучение языка дает детям возможность использовать еще один вербальный экспрессивный код, который является новым орудием для удовлетворения личных коммуникативных нужд и развития социальной компетенции [7].

Ребенок изучает второй язык точно так же как и первый, создавая при этом две автономные лингвистические системы. Учится говорить, говоря, имитирует то, что слышит, экспериментирует со словами и структурами, повторяя то, что функционирует, и отсеивая то, что не находит поддержки. Формирует свою грамматику на практике. А взрослый? Обычно ведет себя совершенно противоположным образом. Учат грамматические правила и только после этого пытаются говорить. Если знает правила – боится делать ошибки, если не знает их, то чувствует себя неуверенно, тревожно, не может выразиться спонтанно.

Взрослый (или подросток) не обладает врожденным талантом ребенка усваивать и создавать целую языковую систему исходя из ограниченного количества слов, схваченных на лету. Лингвистические структуры первого языка до такой степени «вросли» в него, что пытаются непрерывно прокладывать себе дорогу через тонкий слой только что полученных знаний второго языка. Со временем и опытом эта структурная жесткость смягчается, и человек, живя в чужой стране, может надеяться на постепенную ассимиляцию правильных грамматических форм. Однако речь идет о длительном эмпирическом процессе, и стихийно освоить грамматическую систему взрослый скорее всего не сможет. Такой способ овладения

языком обычно возможен до 8-летнего возраста и может распространяться на два или три языка.

Еще одно исследование, проведенное учеными Университета Вита-Салюте Сан Раффаэле в Милане совместно с Берлинским университетом и опубликованное в январе 2003 г. в журнале «Neuron», показало, что, для того чтобы говорить на иностранном языке, мозг взрослого человека вынужден «больше работать». Группа исследователей подвергла ФМР людей, владеющих немецким и итальянским языками, во время прослушивания ими фраз на этих языках.

Родным языком для испытуемых был итальянский. Все билингвы превосходно знали и немецкий язык, но отличались тем, что представители одной группы выучили его в детстве, а второй – уже взрослыми. Испытуемым было предложено выполнить грамматические упражнения, например, решить, правильна ли фраза *мыши едят сыр*. При том, что задание всеми было выполнено корректно, у поздних билингвов активировалась более обширная часть лобных долей по сравнению с теми, кто изучал язык с детства. Если задание было определить, правильны ли фразы в смысловом отношении (например, имеет ли смысл фраза *собаки могут летать*), то никакого различия между группами замечено не было.

«Что касается грамматики, мозг взрослого будет продолжать обращаться с выученным языком совсем не так, как с родным... Также возможно, что этот механизм лежит в основе некоторых трудностей, связанных с использованием «в совершенстве» второго языка, с которыми сталкиваются даже люди, прекрасно знающие язык» [10: 159–170]. «Значение этого исследования двоякое. С одной стороны, речь идет о подтверждении основной гипотезы американского лингвиста Ноама Хомского, выдвинутой им в 50-х гг., о так называемой порождающей (генеративной) грамматике. С другой стороны, оно показало, насколько для изучения иностранного языка имеет значение не уровень знаний, а возраст, в котором этот язык был выучен». С точки зрения дидактики очень важно, чтобы «преподавание ино-

странных языков начиналось в первые годы жизни ребенка» [6].

До 6 лет ребенок может изучить иностранный язык, используя те же механизмы, которые были запущены для освоения родного языка. С рождения до 3 лет возможно усвоение идеального произношения и превосходное развитие лингвистических способностей. На корковом уровне первый и второй языки будут представлены в тех же зонах головного мозга, для активации которых вовлечены системы процедуральной памяти.

В период с 4 до 8 лет также возможно усвоение идеального произношения и прекрасное языковое развитие, но энергии, необходимой для активации зон мозга, где эти языки представлены, требуется намного больше. Две лингвистические системы в одних и тех же зонах мозга представлены только частично; несмотря на это, знание второго языка может быть безукоризненным. Второй язык занимает обычно более обширный участок, для активации которого необходимо приложить большей энергии и значительного когнитивного усилия.

Наконец, после 8 лет появляется (сильнее или слабее) иностранный акцент, морфосинтаксическая компетенция может развиваться еще в достаточной мере, хотя и с приложением больших усилий. В усвоении лексики нет особых трудностей. Второй и родной языки находятся в двух разных зонах. Участки, где представлен иностранный язык, более обширны и вовлечены в основную систему эксплицитной (сознательной) памяти [4: 95].

Если ребенок рано начинает погружаться в иностранный язык, он может активировать механизмы имплицитной (бессознательной) памяти, те же, что используются и для родного языка. Имплицитная память является привилегированным мнемоническим компонентом в процессах обучения детей до 4–5 лет. Запуск этих механизмов памяти для овладения иностранным языком приводит ребенка к ассимиляции лингвистических автоматизмов и рутинных форм речи. На дидактическом уровне это важно, так как показывает, что раннее преподава-

ние иностранного языка не может опираться на эксплицитные методы, основанные на грамматических размышлениях; напротив, нужно создать систему имплицитного усвоения языка, где он будет являться обучающей средой, в которой дети смогут быть «свободными» и использовать иностранный язык как определенный жизненный опыт, на практике вырабатывая лингвистические автоматизмы.

«Раннее овладение иностранным языком может привести к формированию единой концептуальной системы, напрямую соединенной с первым и вторым языком» [5: 13–22]. Одно из наиболее заметных различий между ранним усвоением языка в естественном контексте и школьным его изучением взрослым или подростком заключается в замедленности лингвистического процесса. Тот, кто начинает изучать иностранный язык после 8 лет, не развивает языковых автоматизмов и, общаясь не на своем языке, стремится переводить с родного на иностранный, замедляя таким образом коммуникативные процессы. При более позднем изучении иностранного языка концептуальная система соединена с ним не напрямую, чтобы перейти к этой системе, необходимо «пройти» через родной язык. У билингва же есть возможность обращаться к понятийной системе непосредственно, через два разных языка, минуя перевод.

Обычно для хорошего умения говорить на другом языке необходимо хорошее знание лексики. Этот процесс накопления словарного запаса при определенных условиях – когда язык представлен в контексте, имеющем смысл, – не представляет большой трудности ни для детей, ни для взрослых. Заучивание списков слов с их точным переводом не дает положительных результатов. Этот метод обманчив, поскольку дает ложное представление о том, что для каждого слова существует точный эквивалент на другом языке. Кроме того, такое заучивание абстрактно, исключает эмоции, устраняет связь со смыслом и контекстом, не дает ничего конкретного, к чему может обратиться память. Детям практически невозможно ассимилировать абстрактные знания любого

типа. Эмоции же (не только для детей, но и для взрослых) в процессе усвоения языка играют очень важную роль.

Дети легче усваивают лексику нового языка, так как родной язык еще полностью не укрепился и не служит им в качестве фильтра. Мир взрослого объясняется значениями слов на родном языке, поэтому не может отделить реальность от лексики, которая ее описывает. В связи с этим ему трудно думать на новом языке. Слова, которые ему встречаются, наполняются смыслом только тогда, когда обозначают то же самое, что и на родном языке. Для детей слова не имеют эквивалентов, они являются частью автономной и не имеющей противоречий действительности. Взрослый имеет тенденцию ассоциировать любой неизвестный термин с похожим на него из родного языка. Эта схожесть может быть семантической, фонетической, иногда даже орфографической. Лексические единицы, имеющие похожую форму, но отличающиеся по смыслу, являются без сомнения выражением глубокого культурного различия двух языков, которое идет дальше самих слов. Ребенок воспринимает их благодаря «пластичности» своего мозга в глобальном языковом контексте.

Несомненно, взрослый по мере приобретения лингвистического опыта будет делать все меньше ошибок и пополнять словарный запас. «Однако все остальное, то, что язык говорит не говоря, – пишет Е. Дешейс, – бесчисленные отношения, в которых каждое слово возвращается эхом через детали истории и культуры, поэтическая глубина, эмоциональная ценность, которой наполнены слова, – все эти грани языка никогда не будут полностью доступны тому, кто начинает изучать язык в зрелом возрасте» [3: 45].

Человек, который покинул свою страну в возрасте 20 лет или старше и начал новую семейную жизнь в принявшей его стране, будет постепенно все больше погружаться в местную культуру и постигать богатство и глубину языка, и все же ему будет всегда «чего-то» не хватать для постижения всех его тайн. И здесь нет ничего удивительного. Взрослый накладывает новый стиль жизни на старый, являющийся частью его сущес-

твования. Даже если ему дан поэтический талант, то едва ли поэзия сможет затронуть глубинные струны его души, если она будет написана не на его родном языке. «Он будет видеть цвета и очертания, будет слышать

музыку поэзии, но ему будет казаться, что все это принадлежит не совсем его миру (так же, как изображение, увиденное через глазок фотоаппарата, кажется нам более далеким и оторванным от реальности)» [3: 46].

Литература

1. Abutalebi J., Brambati S., Annoni J., Moro A., Cappa S., Perani D. The neural cost of the auditory perception of language switches: an event-related functional magnetic resonance imaging study in bilinguals. *J Neurosci* 27(50): 13762–13769. 2007.
2. Caon F., Rutka S. *La lingua in gioco. Attivita ludiche per l'insegnamento dell'italiano L2*. Perugia, 2004.
3. Deshays E. *Come favorire il bilinguismo dei bambini*. Novara, 1999.
4. Fabbro F. *Neuropedagogia delle lingue. Come insegnare le lingue ai bambini*. Roma, 2004.
5. Freddi G. *Lingue straniere per la scuola elementare*. Padova, 1987.
6. Moro A. *I confini di Babele. Il cervello e il mistero delle lingue impossibili*. Milano, 2006.
7. Taeschner T., Volterra V. *Strumenti di analisi per una prima valutazione del linguaggio infantile*. Roma, 1986.
8. Titone R. *La personalita bilingue*. Milano, 1996.
9. Van Overbeke Maurice. *Introduction au problème du bilinguisme*. Bruxelles, 1972.
10. Wartenburger I., Heekeren H.R., Abutalebi J., Cappa S.F., Villringer A., Perani D. Early Setting of Grammatical Processing in the Bilingual Brain. *Neuron*. 37. 2003.

I.V. Sokolova

EARLY BILINGUALISM: ADVANTAGES, MECHANISMS, POSSIBILITIES

Early bilingualism, late bilingualism, linguistic control, inter-linguistic interference between languages, brain mechanisms, conceptual system.

The article shows the advantages of early bilingualism and compares it to late bilingualism, that is, second language acquisition at an adult age- it includes special learning features related to grammar and vocabulary. The article makes reference to the latest research developments in the field and in particular to research conducted at the University of Vita-Salute San Raffaele. The study deals with man's ability to shift from one language to another and investigates the mechanisms related to linguistic control. Didactic suggestions for teaching foreign languages are given as well as notions on the organization of cerebral activities in bilingual individuals. Furthermore, a general view of the possibilities of early bilingualism in suitable conditions for learning a language in a natural way are presented.

НОВОСТИ

НОВОСТИ

НОВОСТИ

НОВОСТИ

НОВОСТИ

11 апреля 2009 г. в Вашингтоне по инициативе Зарубежной ассоциации русскоязычной молодежи прошел Молодежный форум «Культурные и профессиональные проекты русской Америки», в котором приняли участие студенты из Массачусетского технологического института, Колумбийского университета, Университета Калифорнии Беркли, Чикагского университета и других учебных заведений. Организаторы форума особо отметили поддержку со стороны российского посольства в США, которое оплатило перелет и проживание студентов со всей Америки. Помощь в проведении форума также оказал фонд «Русский мир». Собравшиеся сошлись во мнении, что русские студенты ведущих американских университетов стремятся к более тесному объединению, чтобы не потерять свои культурные традиции, а также стараются рассказать о России своим однокурсникам. Некоторые студенты, выступая на форуме, отметили, что помогают профессорам в преподавании русского языка американским студентам.

По материалам сайта Зарубежной ассоциации русскоязычной молодежи (www.zaruga.us)